

Читатель понимает, конечно, что «беседа за рабочим столом» — сказано весьма условно, поскольку условно само понятие «рабочий стол» писателя. Его рабочее место — это может быть дорога, в другой раз — Дом творчества, а кто-то предпочитает уединение и даже полное затворничество. Э. Межелайтис называет местечко Сантана, где ему особенно хорошо пишется, своей «зеленой лабораторией». Вот уже несколько лет подолгу живет в Пярну Д. Самойлов. В этом небольшом и тихом городе, освещенном двойным светом неба и моря, где еще встречаются старинные постройки и остатки крепостных сооружений, в городе, где все сезоны по-своему хороши по признанию поэта, идеальные условия для размышления и творчества. Здесь написаны поэма «Сон о Ганнибале» и комедия, которую зритель еще не знает, задумана драма — события XVIII века («он меня тянет, русский XVIII век, он очень интересен»), значительно дополнена «Книга о русской рифме»; здесь создавался цикл «Пярнуские элегии», который вместе с другими лирическими стихами последних лет вошел в новую книгу «Залив». Почти одновременно с этой появилась еще одна книжка Д. Самойлова. В ней — стихи, написанные в разное время, но все они навеяны Эстонией, ее историей людьми, ее природой, и называется она «Улица Тооминга». На этой улице и живет поэт.

В будущем году исполнится 25 лет, как увидела свет первая книга «Ближние страны», а если учесть, что в нее вошли стихи, датированные 1938—1958 гг., то это 45-летие поэтической работы. Когда за плечами такой серьезный творческий путь, хочется узнать о его начале, об истоках — как случилось, что рука однажды потянулась к перу, «перо к бумаге»? Этот вопрос поднимает и публикация в новой книге «Залив» юношеских стихов — «Плотники...», «Пастух в Чувашии» и др. Критики считают, что Д. Самойлов пришел в литературу «готовым». Публикация старых стихов с очевидностью подтверждает это. А что думает сам поэт и почему ранние стихи опубликованы именно теперь?

— В юности я не был уверен, что я поэт. Наоборот, для меня слово «поэт», понятие «поэт» было настолько высоким, что к себе я не решался его применить. А стихи стал писать рано. Могу прочитать первое, написанное в семь лет. Это был летний день, прекрасный день Подмосковья. Я проснулся и сочинил:

Осенью листья желтеть
начинают,
С шумом на землю
ложатся они.
Ветер их снова наверх
поднимает
И кружит, как вьюгу,
в ненастные дни.

Я запомнил строфу и был, может, даже испуган, потому что понял: стихи я сам написал. Сейчас, разбирая стихотворение, могу сказать, что в нем есть все свойства — и недостатки, и достоинства моей поэзии. В те годы большое влияние на меня оказал не поэт, а исторический прозаик В. Ян, автор известной книги о Чингисхане. Он был другом нашей семьи, и нельзя сказать, что с одобрением относился к моим поэтическим увлечениям, но он меня питал своей прозой. Он написал «Спартак», и я вслед за ним, по его книжке написал драму в стихах «Спартак». Потом поэму «Жакерия».

— Вот, оказывается, откуда ваша приверженность к исторической теме.

— Да... Но это были слабые, плохие вещи. А в 10-м классе неожиданно появились стихи, с которыми я пришел в ИФЛИ, и среди ифлийцев довольно известными стали «Плотники...». Их цитировали, потому что ритм захватывающий — «Плотники о плаху притупили топоры». В ощущении себя как поэта мне очень

Давид 1207
САМОЙЛОВ:

И ЭТО ВСЕ В МЕНЯ ЗАПАЛО...

БЕСЕДА
ЗА РАБОЧИМ
СТОЛОМ

помогли товарищи — Коган, Наровчатов, позже Слуцкий, Кульчицкий; собственно, уверенность в пути они мне внушили, а сам я не знал — откуда мог знать: поэт я или нет. Поздно начал печататься потому, что, когда вернулся с фронта, моим человеческим опытом была целая война, а это ускоряет развитие лет на двадцать, наверное, а опыт поэтический оставался прежним. Эти два опыта не совпадали.

Почему опубликовал сейчас ранние стихи? Когда через годы я их перечитал, то решил, что, в общем-то, всегда был одинаковым. То есть сейчас гораздо лучше могу написать стихотворение, чем в ту пору, но, вероятно, какой-то склад, что ли, образ мира у меня давно сложился. Я теперь стал печальнее, так всегда бывает с возрастом, тогда был моложе, но видение, манера видеть все та же. Вот недавно я написал стихи (они напечатаны в «Незе»): «Моцарт в легком опьянении шел домой. Было дивное волнение, день шальной». И нетрудно заметить, что они родственны «Плотникам...», где-то эти стихи генетически связаны.

— И все же отчего ранние вещи не были включены в сборник «Ближние страны»?

— Каждое время имеет какие-то свои понятия. Тогда я должен был предстать как поэт военного поколения. А эти стихи выглядели каким-то отдельным «столбом». Есть еще некий стереотип восприятия: «Вы, Самойлов, принадлежите к военному поколению, так извольте ему и соответствовать». Правда? В двух книгах я честно соответствовал. Кстати, свои лучшие стихи о войне написал уже после ее окончания — «Сороковые», «Старик Державин»...

— «До свидания, память, до свидания, война...» — сказано было в одном из предыдущих сборников, но «сороковые, роковые» вторгаются и в семидесятые, и в восьмидесятые. И в новой книге появляются строки о товарище предвоенных лет Илюше Лапшине — «Памятти юности», стихи «Часовой», «Звезда», «Мы злились, но не прозябали», пронзительные «Берлин в просветах стен без стекол опять преследует меня»...

— Война всегда во мне. Она важна не только как воспоминание о трагических, героических днях, но и как определенное нравственное мерило. Человек, который однажды пошел в атаку, для меня особый, достойный человек, потому что он сделал то, что всего труднее, — встать и, может быть, погибнуть, но встать, и для меня в этом высокий нравственный уровень нашего военного поколения.

О человеке на войне написаны сильные книги. Из лучших произведений последних лет выделяю прозу В. Кондратьева, который удивительно верен своей теме. Кондратьев

пробудился поздно, но очень точно, именно тогда, когда о войне стали писать иначе. Он видел, скажем, что такое взвод, обороняющий кусок болота, и прекрасно показал реалии. Я на Волховском фронте полгода, больше даже, тоже оборонял болото и хорошо знаю, что это такое, и высоко ценю правдивый рассказ Кондратьева, но самое замечательное, что его оценили и молодые читатели. Это неукоснительный закон литературы: написал правду — тебя ценят. А наврал...

Я читаю сейчас не очень много «по техническим причинам», из-за глаз. Поэзию по давней привычке читаю во всех журналах, а вот прозу выборочно. Из военной прозы колоссальное впечатление произвела «Блокадная книга» Адамовича и Гранина. Наверное, сейчас военная литература должна вернуться к документализму. Совершенно потрясающая книга «Каратели» Адамовича. Замечательный, по-моему, писатель Богомолов. Очень сильная вещь «Нагрудный знак «ОС» Семина, а его «Плотину» я пока не сумел прочитать. В поэзии ничего такого в последнее время, пожалуй, не было. Главное уже написано, наверное. Хотя кто знает...

Для поэта жить одними военными воспоминаниями странно, нелепо и туфово. С книги «Дни» начался новый период моей поэтической работы, где есть стихи о войне — они никогда не уйдут, но они другие. В последнем «Дне поэзии» напечатана «Фантазия о Радноти». И это тоже военные стихи, но они другие.

— В «Фантазии» есть хоть доля правды?

— Ни одного слова правды нет, все придумано. У меня в этом смысле очень странная поэзия. Стихи, которые кажутся придуманными, имеют жизненные реалии, а те, что выглядят документальными, от строчки до строчки придуманы. Например, «Солдат и Марта» имеют эпиграф: «Первую брачную ночь Марта Скаврнская и драгун Рааб провели в доме пастора Глюка. Из «Разысканий об императрице Екатерине Первой» т. I, стр. 86». А возникли они вот как. Осенью 1941

года моя знакомая вышла замуж за человека, который на следующий день должен был уехать на фронт. Они решили провести свою первую ночь за городом. Ночью фашистские самолеты, стремившиеся к Москве, сбросили бомбы, не долетев до города. И одна угодила в их прибежище. Они погибли. И вот жестокость войны к любви стала темой стихотворения «Солдат и Марта» — «Любимая, не говори...». Или в стихотворении «Пестель, поэт и Анна» — «Там Анна пела с самого утра...» — кажется, что она придумана. На самом деле Анна была, реальная Анна, но в другое время. А я ее «приписал» к Пушкину. Я иногда смеаю, совмещаю времена. Странность поэзии в том, что мы, стихотворцы, обманщики...

— Да, ваша поэзия, являя непринужденность характера автора (отчего и интонация — свободная стихия, ненамученная, своя, самодовольная, заволаживающая равнодушием, равновесием высокого и обидного), всегда отличалась игрой. Не угада, не развлечение, а игра — театр: трагедия, драма и, конечно, комедия — ироническое начало тут очень сильно. Строки в новой книге «Игра в слова — опасная забава...» и «Я сделал вновь поэзию игрой в своем кругу. Веселой и серьезной игрой...», на первый взгляд взаимоисключающие друг друга, вовсе не таят противоречия по отношению к творчеству их автора: «игра в слова» имеет полноценное обеспечение:

...не с налету, не сдуру.
Не с маху и не на фуфу,
А трижды сквозь
душу и шкуру
Протаскивать будем строфу.

— Известный венгерский поэт Миклош Радноти умер вовсе не так, как об этом говорится в моей «Фантазии». Я все придумал. И знаете, почему? Могу сказать: потому что я люблю цыган и сам хотел бы умереть, как старый Миклош, в цыганской фуре, и это трансформировалось в такой сюжет. Поняли? Конечно, я человек причудливый...

Мотив смерти давно звучит в творчестве Д. Самойлова. Вспомним хотя бы «Смерть Цыганова». Бренность бытия не давит на душу, волнует не тайна смерти — тайна жизни. А смерть как конечное важное слагаемое в сложной формуле жизни, и встретить ее надо достойно — «Надо готовиться к смерти так, как готовятся к жизни...». В стихах поэта тема смерти, как это ни покажется парадоксальным, еще раз являет его жизнелюбие, принятие жизни, распахнутость всем земным благам. Многие умеют грустить, горевать, тосковать, но не многие обладают способностью щедро радоваться жизни, ее самым обыкновенным проявлениям.

Слава богу! Слава богу!
Что я знал беду и тревогу!
Слава богу, слава богу —
Было круто, а не отлого!

Эти строки из «Второго пересказа» созвучны по мироощущению ногановским: «Я с детства угол рисовал». Это принятие «крутого», жажда высокого, неуспокоенность — во многих стихах прошлых лет. Хотя поэт сам говорит, что стал печальнее (и, верно, гру-

стью — груз прожитого и пережитого — окрашены многие строки нового сборника, обязанные своим рождением воспоминаниям), но в нем все то же оптимистическое начало поэтической натуры. Не высокопарное бодрчество, а мудрость, философичность возраста, времени, когда «слово проще, дело проще, смысл творенья все сложнее». И, может быть, именно годы делают это принятие жизни, ощущение единственности каждого ее мига еще более острым, и еще эмоциональнее оно воплощается в стихи:

Что за радость!

Звук шторма

Возле самого окна.

Ночь безумна и просторна,

Непонятна и черна...

Что за радость! Непогоды!

Жизнь на грани дня и тьмы.

Где-то около природы,

Где-то около судьбы.

Драматизм жизни, чувства, переживаний — внутренний двигатель стиха. Недаром, объясняя название сборника, связанное с тем, что последние годы проходят на берегу Пярнуского залива, поэт подчеркивает: «Залив этот — не завод, а часть моря, морские бури и ветры шумят в нем, он отражает судьбу моря, как отдельная жизнь отражает судьбу времени».

— У вас всегда были стихи о творчестве, о тайнах ремесла, о своей мастерской. В «Заливе» их, пожалуй, больше, чем в прежних книгах. Видимо, обилие полемических статей, дискуссий вызывает желание высказать свое понимание, объясниться с молодыми коллегами — «Учитель и ученик».

— У многих поэтов есть стихи о стихах, почти у всех. Я не раз давал себе зарок не писать об этом, но, сами видите, не получается: вдруг возникает «толчок» — и пишешь...

В диалоге «Учитель и ученик» мне не хотелось прямой полемики, не хотелось упрекать молодых, что они «пороха не нюхали». Мне хотелось поспорить с мнением, что надо смотреть назад. Да, надо. Потому что опыт истории, опыт науки, опыт культуры — необычайно важные вещи, и я из тех поэтов, кто все время за это держится. И вместе с тем я считаю, что ни в чем нельзя перебарщивать:

Природа мысли такова,

Что доведи любую

до конца —

И вдруг паленым волосом

запахнет...

Молодым больше, чем нам, свойственна категоричность, умерить эту страсть я и надеялся...

«Улица Тооминга» Д. Самойлова содержит стихи об Эстонии и переводы с эстонского, и вместе с другой, вышедшей в Вильнюсе книжкой «Тень солнца» (поэты Литвы в переводах Д. Самойлова) они — свидетельство поэты и Прибалтики, привязанности душевной и творческой.

— Ваш совет молодому переводчику?

— Он должен, во-первых, уважать поэта, которого переводит, поэзию, которую представляет иноязычному читателю, русскую поэзию, которая дала ему средства переводить. И понимать, что переводить... нельзя. Можно только воссоздавать. А если молодой стихотворец думает, что он лучше владеет стихом, чем автор оригинала, из него никогда ничего не выйдет. Скромность — вот главный совет.

— В «Заливе» есть такое стихотворение-признание: Мы не меняемся совсем. Мы те же, что и в детстве раннем.

Мы лишь живем.

И только тем

Кору грубеющую раним.

Живем взахлеб,

живем вовсю.

Не зная, где поставим точку.

И все хороним в свою

Ветшающую оболочку.

Этот стихотворение, думается, можно поставить эпиграфом к той «большой повести поколений», которая пишется вами.

— Пожалуй, верно. Потому что именно так я и привык жить.

Беседу вел
Ирина РИШИНА